

ПОРА ЗРЕЛОСТИ

ПИСЬМО было получено совсем недавно, буквально через несколько дней после опубликования Указа о присвоении И. Морозову звания заслуженного артиста РСФСР.

«Молодец, Иван Иванович! Поздравляю и горжусь тобой, своим первым послевоенным учеником, белокурым, улыбчивым, подвижным мальчишкой в старенькой кроличьей пубенке... Именно таким ты остался в моей памяти.

Как бы порадовались твои родители, особенно мать! Тойбой гордятся и родные, и земляки-погрузинцы, и друзья-товарищи по школе, и все твои зрители.

Сил тебе физических, новых больших успехов и творческих свершений и здоровья на долгие годы.

Целую и крепко обнимаю. Твоя первая учительница из нашей маленькой деревянной школы, в которой было

холодно зимой и даже замерзали чернила, но мне было тепло от ваших любящих детских сердец...

Федотова Клавдия Васильевна».

...Морозов держит в руках это письмо, улыбается смущенно, чуть грустно. Да, школа у них действительно была маленькая, деревянная, и чернила замерзали зимой, и в шубах сидели. И Клавдия Васильевна, помнится, возле прокопченной голландки в углу. И как она читала им Пушкина — словно солнышко заглядывало в низкие замороженные окна.

А еще вспоминает Мороз своих учителей из кош-
кинской десятилетки. Ольга
Александровна Веденская
руководила драмкружком, в
котором будущий артист был
неизменным участником, а
Лия Ивановна Петровская
вовлекала в редколлегию стен-
ной газеты. Оба они, как и
Клавдия Васильевна, расти-

ли в его душе чувство прекрасного.

— Я почетным званием учителям своим обязан. И школьным, и армейским, и театральным... — убежденно говорит Морозов.

Он пришел в театральную студию угловатым, заводским парнем, и первый человек, с которым он встретился здесь, был его будущий педагог по сценической речи и мастерству актера народный артист РСФСР Михаил Гаврилович Лазарев. На протяжении всей их первой беседы Лазарев что-то записывал. А Иван все косил глазом, старался рассмотреть, что же там пишет о нем экзаменатор?

Лишь через несколько лет показал ему Лазарев свои тогдашние записи. Это были

на репетициях, ловил каждое слово, каждую интонацию.

Он играл Николая Весовщикова в психиатричке романа Горького «Мать». Это явилось немалым испытанием для молодого актера. Роль была не только крупная, но и психологически сложная. А партнерами были Варвара Евгеньевна Красева, Николай Николаевич Засухин и Николай Николаевич Кузьмин.

Озлобленным на весь мир, с анархическими замашками появлялся Весовщиков Морозов в начале спектакля. Нечесанные, спутанные волосы, блуждающий взгляд, порывистые движения... Постепенно, от сцены к сцене показывал Морозов, как под

влиянием Павла, Находки и других революционеров оттаивала душа Весовщикова, пробуждался разум, вырастало классовое сознание.

До сих пор вспоминает Морозов «Ричарда Третьего», в котором играл вместе с Засухиным. Наверное, никогда не забудет Засухина — Ричарда, когда тот обращался к нему со словами:

«Ну хорошо, дай мне
 стакан вина,
Во мне веселья духа
 нынче нет,
И бодрости,
 к которой я привык,
А на рассвете приходи
 в шатер
Помочь надеть доспехи
 мне. Спусти!».

Какого требовал от него Засухин предельного внимания в этой крохотной сцене:
— Смотри мне в глаза, Ваня, Думай о чем хочешь, но смотри мне в глаза.

О чем уж тут было думать,

когда он кожей ощущал, словно ввинчивающийся в него полный ненависти и подозрительности взгляд Ричарда — Засухина.

С Верой Александровной Ершовой довелось играть только в одном не очень удачном спектакле «Беспокойная старость». Но учился у нее, наблюдая в свободную минуту за репетициями и спектаклями нестареющей «Старомодной комедии».

...Его талант, если можно так выразиться, росли «всем миром», и полученное недавно звание «заслуженного» говорит о том, что пришло время «собрать урожай». Правда, сбор этот уже начался. Иван Морозов прочно стал ведущим актером театра. За последние годы он сыграл несколько крупных масштабных ролей: Виктора Шугачева в «Атлантах и кариатидах», молдавского крестьянина Келлина в пьесе «Святая святых», Василию в «Бешеных деньгах», Юхани Нискауури в «Доме на скале».

Уже не раз отмечала критика, я только повторю, что Ивану Морозову близки натуры сильные, целеустремленные. Таким вот сильным, негибким характером предстает в исполнении И. Морозова молодой хозяин Нискавуори. И, кажется, ничто его не сломит, что никогда не смиритсЯ он с потерей любимой женщины и ничто не заставит его жить с нелюбимой женой. Но и ему, сильному, кряжистому мужчине, оказалось не под силу бороться с вековыми устоями Нискавуори, и его сильная воля разбилась о замшелые камни скалы, на которой

стоит его дом. Отныне Юхана Морозова будет жить по законам буржуазного мира, по законам Нискавуори. Пустой, безжизненный взгляд и бессильно повисшие руки — та-

ким будет он теперь до самой своей смерти.

Но, пожалуй, самой лучшей, самой близкой человеческой сущности самого артиста стала для Ивана Морозова роль Касьяна в спектакле «Усыатские шлемоносцы» по повести Е. Носова. Можно с уверенностью сказать, что роль эта вобрала в себя все лучшие черты морозовского таланта. Его мягкость и доброту к людям, его крестьянскую любовь к земле, его понимание своего места в этом мире. Именно с этим внутренним пониманием своей миссии на земле живет на сцене Касьян Морозов, человек сугубо мирный, привыкший к нелегкому крестьянскому труду, привыкший любить жену, растить хлеб и детей, умываться в мирной деревенской речке. И тем трагичнее и в то же время осознаннее становится для него необходимость защищать все это от врагов. Касьян Морозова собирается на войну так же неторопливо и обстоятельно, как некогда собирался на пахоту. А сколько любви и нежности в словах и в глазах Касьяна, обращенных к жене Натахе (артистка Н. Радолицкая), сколько внутреннего тепла в их дуэтных сценах.

Сейчас Морозов репетирует центральную роль — Лопатина в инсценировке романа Н. Симонова «Мы не увидимся с тобой». Снова война, снова недюжинный русский характер. А значит снова сомнения, тревоги, поиски, бессонные ночи и беспрестанная работа актерского сердца и мозга, ибо «время собирать урожай» отнюдь не означает окончания трудов и забот.

И. ТУМАНОВСКАЯ.

На снимке: И. Морозов в сцене из спектакля «Усвятские племоносцы».